Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Фашистская хунта в Чили продолжает зверски расправляться со сторонниками демократии.

ОДИННАДЦАТИМЕТРОВЫЙ В САНТЬЯГО

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

КРОКОДИЛ

№ 5 ● ФЕВРАЛЬ 1974

КИНОКРИТИК: — Для начала запишем: сюжет фильма — понятие растяжимое...

Рисунок Е. ГУРОВА

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Гарри ФРИМЕН (США)

РАЗГОВОР НА НЕБЕСАХ

Они сидели на облаке, в небесных высях. Однако благодаря чуду современной радиосвязи через спутники они следили за событиями на проплывавшей внизу нашей маленькой планете.

Марк Твен отложил свою арфу — ему наскучило перебирать ее струны — и обратился к своему соседу Хемингуэю:

— Эрнест, вы покинули лучший из миров после меня. Что вы думаете о всей этой шумихе в американской прессе относительно русского писателя Солжникова, или как там его зовут? В мое время были титаны в русской литературе, достаточно назвать хотя бы Толстого, Горького, Чехова. Но я что-то не припоминаю, чтобы американские газеты интересовались их взглядами. Я не припоминаю, чтобы наши газеты обращали особое внимание и на мои политические взгляды, хотя я пользовался значительной известностью как литератор. Когда я ругал американцев за учиненную ими резню на Филиппинах в начале нынешнего века или клеймил империалистических головорезов за убийства конголезцев, в наших газетах не появлялось по этому поводу броских заголовков. И книга моя «Позолоченный век», разоблачающая продажность в Вашингтоне, не привлекла внимания авторов газетных передовиц. Поэтому любопытно, как вы объясните весь этот нынешний шум вокруг Солжукова.

— Я тоже вижу в этом нечто загадочное,— ответил Хемингуэй,— хотя я, как и вы, знаю, сколь небольшое уважение питает американская пресса к истине, когда эта истина не совпадает с предрассудками владельцев газет. Наша печать нисколько не интересовалась моим мнением по поводу мерзкого обращения с ветеранами войны или моими гневными протестами против фашизма. Но, кажется, Марк, я знаю ответ на ваш вопрос. Когда я покинул землю в 1961-м, Соединенные Штаты вели холодную войну против Советского Союза и рассматривали любую вонючую фашистскую диктатуру как своего союзника в священном крестовом походе против коммунизма. Может быть, здесь по аналогии и следует искать причину почтительного отношения американской прессы к Солжиникову?

Твен задумчиво погладил свои усы, которые стали еще белее в разреженной небесной атмосфере, и сказал:

— Да, может быть, в вашей догадке что-то есть, Эрнест. Но, сдается мне, будто мы слышали об окончании холодной войны.

— Ей давно уж пора кончиться,— ответил Хемингуэй.— И я думаю, что она в основном уже прекратилась. Но у нас есть упрямые реакционные тады, которые ненавидят коммунистов в такой же степени, как и перспективу прочного мира. Марк, настройте-ка наш приемничек на Нью-Йорк — может, поймаем что-нибудь, проливающее свет на дело этого, как его, Солженкова.

Твен нажал кнопку, повернул ручку настройки, писк и треск с далеких звезд и планет понеслись из динамика. Наконец сквозь хаос звуков пробились земные голоса. Твен нащупал в эфире Нью-Йорк. И тут же прозвучало имя Солженицына.

— Ага, это, должно быть, тот самый господин!— сказал Твен. — Кажется, я наткнулся на передачу из какого-то закрытого частного клуба. Ну-ка, послушаем.

И они услышали репортаж из банкетного зала, где собралось американское общество друзей и поклонников Александра Солженицына. Председательствовал Уильям Бакли, широко печатаемый публицист, титулующий себя консерватором, хотя многие американцы считают его просто неофашистом.

Голос Бакли, не искаженный помехами, так и рвался из динамика:

— Пусть еще больше людей вместе с нами вознесут хвалу Солженицыну. Но хотя ряды наши сравнительно немногочисленны, мы пользуемся солидной поддержкой. Я вижу, здесь за столом вместе с нами сидят джентльмены из «Нью-Йорк таймс», которые, не жалея сил, трудолюбиво переносят на колонки своей газеты нападки Солженицына на Советский Союз, старательно знакомя с ними американскую публику. Мой добрый друг Джо Олсоп тоже находится здесь...

Твен подтолкнул Хемингуэя и спросил:

— Кто этот малый — Олсоп?

— Антикоммунистический писака, близкий к военщине и к ЦРУ,— прошептал Хемингуэй.— Но не будем отвлекаться, давайте послушаем.— Он повернул ручку настройки, и снова зазвучал голос Бакли:

— За нашим столом находятся также джентльмены из Пентагона. По понятным причинам они в штатском. Почетное место занимает Джордж Мини, профсоюзный босс. Мы видим также нескольких интеллигентов либерального толка, но не бойтесь, друзья, это абсолютно наши люди. Несколько столиков в этом зале заняты сионистами. Так что же объединяет нас сегодня, несмотря на кое-какие мелкие разногласия по другим вопросам? А то, что мы считаем Александра Солженицына мощным пропагандистским оружием против Советского Союза и международной разрядки. И это оружие мы должны использовать в полной мере, даже если нам придется исчерпать все запасы чернил в этой стране и вырубить под корень все леса для производства газетной бумаги. Со всей присущей мне скромностью я хочу привести вам примерчик, как я сам пользуюсь Солженицыным. В середине января я написал статью, опубликованную многими газетами страны, где, ссылаясь на Солженицына, доказывал, что при царизме русским жилось лучше, чем при большевиках.

Твен приглушил приемник и возмущенно воскликнул:

— Какую чушь несет этот джентльмен! Они оба смешны — и Бакли и этот Солжунков — я даже не считаю нужным ломать себе язык, правильно произнося его фамилию. Они оба страстно тоскуют по царскому гнету. А у меня в памфлете «Монолог царя», написанном в 1905 году, Романовы, помнится, говорили: «Мы делаем, что хотим. Веками делали, что хотели. Преступление — для нас привычное ремесло, убийство — привычное занятие, кровь, кровь народа — привычный напиток. Миллионы убийств лежат на нашей совести». Нет, не мира хотят эти люди, будь они прокляты, а человекоубийства и крови они жаждут.

Твен уже хотел было выключить приемник, но Хемингуэй сказал:

— Обождите. Давайте послушаем, что там у них будет дальше, на этом митинге.

Из банкетного зала донесся громкий, ясный голос неизвестного человека:

— Мистер Бакли, меня сюда никто не приглашал. Тем не менее я пришел, ибо считаю, что представляю бесконечно большее число американцев, чем все вы, собравшиеся в этом зале. И я полагаю, что мой голос обязательно должен быть услышан. Я сражался во второй мировой войне против Гитлера. Многие мои друзья остались навеки на поле боя. И когда я читаю на страницах «Нью-Йорк таймс», как Солженицын прославляет предателя Власова — человека, который вместе с Гитлером воевал против советских людей, против меня и всего американского народа, я задумываюсь: что же за человек этот Солженицын? Как в наше время, в наш век может он писать такой бред? И еще думаю я, как могут «Нью-Йорк таймс» и другие газеты сыпать на читателя такой мусор? Они предпочитают не распространяться о пытках и убийствах в тюрьмах Южного Вьетнама, в Чили, Греции, Испании, но льют крокодиловы слезы по поводу нарушений законности, имевших место в давно прошедшие годы. Что же это — честная журналистика? Или пропаганда холодной войны?

Бакли громко застучал по столу председательским молотком. Когда же незнакомец отказался замолчать, Бакли вызвал полицию...

Выключая небесный громкоговоритель, Твен сказал:

— Помнится, я говаривал Киплингу, когда он был молодым, подающим надежды журналистом: «Молодой человек, сначала проверьте факты, а затем уже искажайте их как хотите». Я думал, что это достаточно циничная инструкция для сотрудника капиталистической печати. Но, очевидно, некоторые американские газеты уже не удовлетворяются простым искажением фактов. Они предпочитают оперировать махровой ложью, которую выворачивают так и сяк в своих нечистых политических целях.

Нью-Йорк. По телефону.

СПЕВКА

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

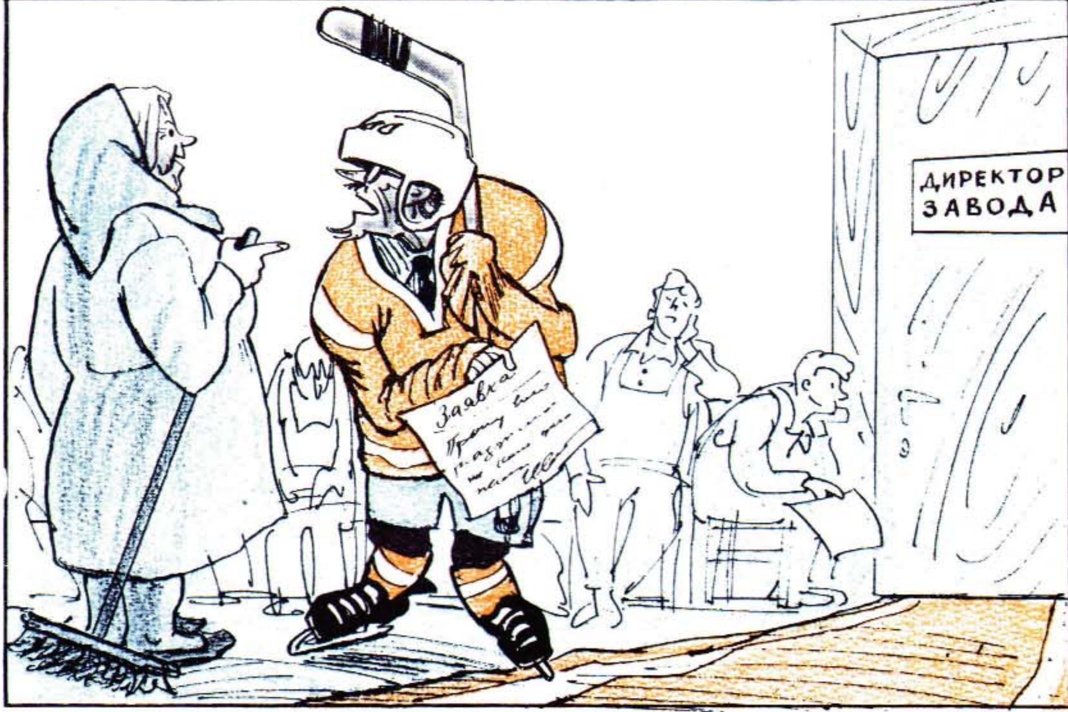
ОТЛОВ НАЧАЛСЯ!

В первом номере нашего журнала была поставлена важная мобилизационная задача — провести Всесоюзный отлов бюрократов всех видов и мастей. Для более точного узнавания этого вредоносного нашему обществу и народному хозяйству субъекта приводился его словесный портрет.

И вот уже, ориентируясь на эти подсобные данные и пользуясь собственными пристальными наблюдениями, наши корреспонденты и активисты прислали первые трофеи. Как видно из представленных здесь материалов, бюрократ действительно многолик и разношерстен. В одном случае он выступает в облике матерого отписчика, озабоченного не столько тем, как деловито и плодотворно решить хозяйственный вопрос, сколько тем, как бы отбрыкнуться от дела, перевалить все заботы на чужие плечи; в другом — это сановный глушитель инициативы и зажимщик прямой и нелицеприятной критики; в третьем — бессовестный очковтиратель, укрывшийся за бруствером барабанных реляций и розовощеких отчетов...

Но где бы и кем бы он ни был, рано или поздно он будет замечен, разоблачен и отловлен. Так что трепещите, бюрократы. Отлов начался!

— Что это ты, Петрович, вырядился?
— Иначе к нашему начальству не попасть!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Из кабинета директора Ленинградской фабрики народных музыкальных (щипковых) инструментов имени Луначарского донеслись раздраженные голоса.

— Безобразие! Разве можно так работать?!— нервно ходил по кабинету директор фабрики В. Плохотников.— Более года ждут новую балалайку, а вы, извините за выражение, даже не чешетесь. Это же стыдобище!

— Осмелюсь доложить,— отвечала начальник планового отдела Петрова,— я этой гражданке Муст, проживающей в г. Воркуте, еще в августе отправила письменное уведомление. Вот, пожалуйста, копия: «Сообщаем, что гитара по вашему заказу отгружена в ваш адрес 16/VII—73 г.».

— Постойте, постойте,— нахмурил брови директор,— при чем тут гитара? Гражданка Муст просит выслать,— он ткнул пальцем в кипу писем,— балалайку приму сольную.

— Правильно, товарищ директор,— густо покраснела, но не растерялась Петрова,— поэтому в сентябре я послала уведомление другого содержания: «Сообщаем, что фабрика отправила ваш заказ — балалайку приму сольную, в ваш адрес 16/VII—73 г.».

— Что же вы отправили на самом деле гражданке Муст — гитару или балалайку?

Не получив ответа, директор достал папку и, роясь в ней, назидательно приговаривал:

— Какая безответственность! В какое положение вы поставите фабрику, себя, меня, если эта гражданка Муст настрочит письмо в газету? Хорошо, что сам я подключился в эту переписку. Вот, читайте: «Балалайка, высланная Вами в адрес фабрики, получена, направлена на ремонт, после ремонта будет выслана в Ваш адрес».

Тут возникла небольшая, но значительная пауза.

— Кто кому высылает балалайку?! Какой ремонт?!— вскрикнул директор, медленно опустился в кресло и мрачно подытожил:

— Вы, Петрова, как следует разберитесь в этом вопросе и срочно доложите мне.

Пока на фабрике выясняют, кто прав, а кто виноват, у заказчицы Муст, выславшей еще в декабре 1972 года за этот самый инструмент 70 рублей, нервы напряглись, как туго натянутые балалаечные струны. И балалайка ей, если разобраться, совсем уж теперь ни к чему.

В. ЕЛОХИН.

ОТЛОВ БЮРОКРАТА

ОТЛОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА СТР. 7—9

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— А может, разопьем по бутылке и примем ванну в вытрезвителе?

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент
Крокодила

АНФАСОМ К ПРИРОДЕ

В вопросе о вторичных возрастных признаках (в смысле прорастания усов и бороды) на сегодняшний день досконально все четко. И труды академии и школьные учебники радуют ясной трактовкой.

Хуже дело со вторичными профессиональными признаками. В период становления специалиста-отраслевика в нем могут проклюнуться аномальные качества. И во весь голос — на правах диссертации — скажем, что определенные отрасли формируют в человеке определенные качества. Например:

Фотокорреспондент с годами становится пронырлив, как гамма-лучи.

Как вторичный профессиональный признак у лифтера развивается адская наблюдательность:

— Филармоничка с третьего этажа второй день не поет. Должно, абортируется.

И приходит все больше сигналов, что вторичным профпризнаком отдельных представителей охотоведческо-егерской службы становится наглость и преступание законности.

Окунемся в вопрос.

В исторически недавние времена на валежине под кустом лоха серебристого сидело человеческое существо и курило. Обличьем было пестро: треух гражданский, шинель эмпэзсовская (одна пола отгорела), портки лесосплавные, сапоги пехотные, девятый срок годности. Рядом был прислонен мушкетон с нарушенным мышевидными грызунами прикладом. Это был егерь. Возможно, охотовед.

В непосредственной близости ахали выстрелы и воняло моторами.

— Шебаршат! — направлял ухо егерь.— Из «лина-энфилда» вдарили. Изюбря решают, однако. Чу, кавалерийский карабин вступил. А это что ж так шумит? А это «ЗИЛ-157» к ним попер, тушу грузить. Чаю напарить, что ли?

И напаривал чай.

А долг, а возмездие палачам родимой природы? Ну о каком там возмездии речь! Куда с мушкетоном против «лина-энфилда», за полкилометра сквозняк в фигуре провертит. Куда в сапогах девятой годности за «ЗИЛом» о трех осях, с демультипликатором! Соваться нечего. Пей себе чай. Хвоинка тюкнулась в кружку, выковырнул ногтем и глянул: точно, белка-летяга сорит. Много летяги, несъестная она, непушная...

Все минуло. Есть вещи, которые даже в помойку сплавлять надо ночью — иначе неудобно от общества. Ночью выкинул охотовед на помойку двуух (одна ушина отпала прежде по ветхости), ставшую вовсе бесполой шинель, негнучие портки и фрагменты сапог. Взамен он получил ладную форму, фуражку с кокардой, автотранспорт с искомым демультипликатором, право применения санкций и табельное имущество: экстра-класса винтовку, наган, спальный мешок, фотоаппарат, бинокль и нагрудный знак.

Под звуки тромбонов и флейт, окруженный вниманием и почетом слоев, охотовед пошел спасать от разора природу. Но влиятельные союзные ведомства просто изнывали от мысли, что вот все внесли свою лепту в помощь охотоведению, а мы не внесли!

И залатали пробел, выдав зачем-то охотоведам: прокуратура — удостоверения внештатных помощников прокуроров районов и даже прокуроров республик, милиция — удостоверения внештатных оперативников.

Первой схватилась за седые виски прокуратура Бурятской АССР:

— Изъять у них наши книжечки! Спекулируют ими! Дискредитируют орган!

Но попробуй-ка изыми. На руках остались грозные книжечки, кто захочет такую отдать.

И вот, положим, на границе с Читинской областью стоят села Сосновка с Романовкой. И там на трассе, расставив гулливерские ступни, заслоняет автодвижение фигура с планшетом.

— Стоп! — велит всем фигура, расстегнув кобуру и выпростав рукоять.— Я помощник прокурора Гребнев В. А. Задний борт, багажник, капот, люки бензоцистерн — открыть. Из машин — выходить. Произвожу обыск.

— Но позвольте! Вы же Гребнев, охотовед. Вы не имеете права. Произвол!

— Поговори у мя! Документы!

Ах, в плане обмена ожогами на молоке: ни боже мой, товарищ, с дистанции шага предъявлять документы сотрудникам Бурятского управления охотничье-промыслового хозяйства! Сноровисто вырвут сотрудники ваш документ из рук — и больше вы его не увидите, и если в плохих отношениях с родичами, то вообще никто не подтвердит вашу личность.

Так и трудится охотовед на шоссе, прочно забыв, что браконьеров ловят в угодьях. Кантуется в ожидании обыска колонна машин, «Спидолы» жарят иноязычное легкомузычие под пересыпь рифмочек «Augen» — «glauben», а на шоссе производится шариатское правосудие. Ищется рыба (а чтобы в здешних водоемах дождаться поклевки, нужны нервы, каких в современном обществе ни у кого уже нет). Ищутся туши животных (а откуда им быть, если некоторые охотоведы республики на тайных охотах сами способствовали подрыву запасов копытных?) Итак, ни рыбы, ни мяса. Ни пуха, ни пера. Так свободен ли путь?

Не на того нарвались. Не тот человек В. А. Гребнев. Совершенно особенный он человек, и даже когда у всех будет сахарный диабет, у Гребнева будет изюмный.

Еще не слышали нигде о приравнении шоссейных дорог к охотничьим угодьям, а липовый прокурорский работник вводит такой декрет и влепляет шоферам штраф за нахождение на шоссе. Не находись!

Беда, и в пору прекращать перевозку народнохозяйственных грузов. Не ездите, граждане, через Сосновку.

Тогда, возможно, через Петровск-Забайкальский, по дорогам Читинской области? Может, нету такого зверства?

Нет, и там вам загнут салазки, ибо страшно горит душой за охрану природы в Азии М. Н. Гылыков, а он заместитель начальника республиканского управления охотпромхозяйства. Ой, не верит ревностный Гылыков, что соседи справятся с охраной своих ресурсов, и выезжает ночью подстраховать этот ресурс. И петляет его автомобиль, откровенно браконьерски полыхая фарой-искателем, как на самых лютых противозаконных охотах.

И тут вырастает перед автомобилем мужской строгий абрис.

— Я помощник прокурора Бурятии Гылыков! — сказал Гылыков.— Ты, в темноте, есть кто?

— Здешний охотовед Украинцев. Нахожусь на специальной охране угодий по заданию горкома партии и райисполкома. Прошу показать документы.

И ему показали! Происходило в ту полночь астрономическое диво покрытия Сатурна Луной, но так рванули руку Украинцеву за спину к затылку, что и Луна затмилась уже неизвестно чем, и оказался он отброшенным на обочину, и, конечно, отняли у него документы.

Товарищ Гылыков был известен народу как хмельной безумец и злоупотребитель по службе. Но вышел в просцениум начальник управления Антоненко, замолвил:

— Мой заместитель кое в чем да, но в общем и целом он нет. И тем более не браконьер.

— А тем не менее кто? — возмутилась прокуратура республики.— И что вообще за бедлам в управлении? Штрафы обезличены. Цыденов убил медведя — ему штраф 50 рублей. А Кузнецов с Батухой одну утку на двоих повалили — штраф с каждого по полсотни. Правовые знания работников нищенские, составленные протоколы невежественны, районные охотоведы бесчинствуют. Налицо полный крен и развал, ни статей в печати, ни бесед с населением, и Гылыков снова пойман с поличным как истребитель фауны.

С дюжиной прихлебателей (какой-то доцент витаминного факультета и др. тт. интеллигенты) заместитель начальника гнал зверя облавой. Он ломился по тропе с карабином, выданным для охраны животного мира, и в этом месте тропу ему преградил человек.

— Я Сальников,— сказал человек.— Просто Сальников, в тайге шкодить не дам!

— Мне?! Помощнику прокурора республики?! В бараний рог! Документы!

Ну и, как всегда, документы отняли. Отняли, издевались, но все-таки влип, не ушел замначальника. Помогли задержать местные жители. И, казалось, что гром и молнии грянут.

Но опять отменил всякое баловство с электричеством начальник управления Антоненко. И потекли опять будни удивительнейшего из управлений по охране природы, где лозунг «Лицом к природе!» толкуется как «Рукой за горло, коленом на грудь!».

И снова служит в управлении охотовед Ильенков. Несколько лет назад он также служил тут охотоведом района. Кожный покров браконьеров при одном имени Ильенкова становился на ощупь липко-клеенчатым. Под шепотки: «Дары Берендея, кому дары Берендея!» — ни одну соболиную шкурку, ни один центнер мяса не сбыли лесные ворюги на черном рынке — весь конфискат сбыл сам Ильенков!

Его судили по трем статьям. Бывалые лесные разбойники слушали свидетелей и только вздыхали:

— Вот крупняк так крупняк!

— История знает американца Буффало Билла,— говорил обвинитель,— а теперь Ильенкова. При этом шансы Билла в суде предпочтительней, ибо он был просто убийцей. Его принципом было не стяжательство, а «видишь движущееся — пресеки движение». Его преступления в природе не были должностными. Он совершал массовые убийства животных (было это в XIX веке) без применения новейшей техники и биологических знаний, полученных Ильенковым как раз для охраны животных. Ильенков арестован и предан суду по результатам только одной охоты. О скольких других охотах охотоведа мы ничего не знаем?

...И вот он вышел из мест заключения. Карты на стол: где он теперь? Он там же, районным охотоведом управления при Совете Министров Бурятской АССР. Не подвел Антоненко. Золотой человек.

Несколько лет назад Ильенков вставал в шесть утра и сразу начинал остро нуждаться. Его нужды гасила тайга. Как прежде, сегодня он встает в шесть утра и уходит в тайгу. У него опять карабин, наган и бинокль. У него, у Гребнева, у Гылыкова.

И вскоре при такой расстановке кадров и правосознании опять должны быть суды. Любопытно, знаете ли, сидеть в заседании, слушать подсудимого, как он усыпил бдительность лося.

И только в самом конце процесса всплывает, что бдительность лося он усыпил из винтовки.

Улан-Удэ — Чита — Москва.

Бор. ЮДИН

ФОНТАН

Однажды ясным летним днем,
Ладони сжав до хруста,
Сидел предрика за столом
Задумчивый и грустный.
Мечтал: «Ах, сколько городов
В диковину туристам!
Тут крепостной старинный ров,
Которому лет триста...
Там — нет искуснее затей! —
Созданье человека:
Стоит церквушка без гвоздей
Тринадцатого века...
А что у нас! Кино. Депо.
Склад. Баня. Мельница. Райпо...
И нечем погордиться.
Куда это годится!
А вот возьмем Петродворец...
Что там! Каскад фонтанов.
И бродят из конца в конец
Туристы беспрестанно.
Кричат:
«Легенда! Сказка! Сон!..»
Им пошуметь в охотку.
А что особого! Самсон
Льву раздирает глотку.
А мы что, хуже! Захочу,
Чтоб город стал красивей,—
Пусть нам каскад не по плечу,—
Один фонтан осилим.
Тут не скупиться есть резон,
На это средств не жалко.
Подумаешь! У них — Самсон,
А вот у нас — Русалка.
Да, в самый раз. Вопрос решен.
Стоит... Стройна, как пальма...
Конечно же, не нагишом —
В костюмчике купальном.
Ее русалкина рука
Под жабры держит судака.
И брызги — отовсюду...
Что за картина! Чудо!»
И вот уже проект готов.
Оригинально! Смело!
— Давай, ребята! Меньше слов!
И дело закипело.
А все не впрок. Не тот эффект,
Хоть и решали храбро:
Меняли восемь раз проект,
Двенадцать раз — прораба.
У судака вертели хвост
И так, и сяк, и этак,
Русалке удлиняли рост...
А удлинялась смета.
Ах, смета! Как ее ни режь,
Душе — одно расстройство:
Ведь что ни год, то больше брешь
В статье «Благоустройство».
В конце концов пришла пора —
Фонтан построили. Ура!
Построили, да так ли!
Забьет струя из судака —
В домах воды ни капли.
И снова ясным летним днем,
Ладони сжав до хруста,
Сидит предрика за столом
Задумчивый и грустный.
Мечтает: «Сколько городов
У нас и в разных странах,
В которых нету и следов
Каких-нибудь фонтанов!
А наш ржавеет и молчит.
И сколько с ним мороки!
Неведомо зачем торчит,
Как камень на пороге.
И нет прохожему пути,
И нет проезжему пути,
Хоть плачь, а мимо не пройти
Фонтана-лиходея.
А если нам его... снести!
Прекрасная идея!»
И вот проект уже готов.
Оригинально! Смело!
— Давай, ребята! Меньше слов!
И дело закипело.
Скорей свершиться бы мечте!
А средства! Очень просто:
По той же проведем статье —
Статье «Благоустройство».

— Чини так, чего его раскапывать! Все равно весной оттает!

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Ничего, что рукава длинноваты, зато перчатки можно не покупать.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

Карты в руки!

Завхоз, или, как он любил себя называть, агент, Курган-Тюбинской горбольницы Мунаваров твердо шагал в ногу с модой.

Неизвестно, какого покроя пиджак он носил или какой расцветки был его галстук. Но что касается меблировки, то тут властвовал принцип: чем меньше, тем лучше. Да здравствует просторное помещение!

Правда, этого принципа Мунаваров придерживался лишь в сугубо рабочих, а не в домашних условиях.

Иначе говоря, возводимую горбольницу, которую ему было поручено благоустроить, он видел свободной от всяких излишеств.

Поэтому полученные им с баз громоздкие шкафы и диваны, кресла и колодильники везли на быстрых грузовиках мимо места назначения в неизвестном направлении...

Пылкое воображение Мунаварова рисовало новый облик больницы даже без кроватей, стульев и вешалок.

Это было, конечно, уж слишком и не укладывалось ни в какие рамки самой новейшей моды.

Зато все эти вещи спокойненько и аккуратно укладывались во вместительных складах магазинов, директора которых в сговоре с тайным агентом Мунаваровым пускали их в продажу.

Направо и налево. В основном — налево.

Если бы больной попал, не дай бог, в больницу, порученную заботам Мунаварова, его нечем было бы оперировать, поскольку завхоз растащил railинструменты. Некуда было бы положить, так как Мунаваров продавал и кровати. Нечем было бы даже прикрыть в связи с тем, что агент крал и одеяла с подушками!

Конечно, свою роковую роль сыграла тут и бесконтрольность со стороны хозяйственных и финансовых работников города. Попади Мунаваров на бдительного стража...

Впрочем, кто его знает, ведь бдительные стражи тоже бывают разные.

Вон в деревне Заболотье, Домодедовского района, Московской области, бдительному сторожу Махову поручили однажды охранять продовольственный магазин совхозрабкоопа «Ямской».

Сторож Махов так обрадовался и растрогался, что решил это дело отметить. И тут же напился. Причем водку он купил днем в том самом магазине, который ночью ему предстояло стеречь.

Ближе к ночи Махову ужасно захотелось «добавить», но, к своему огорчению, он обнаружил, что магазин уже заперт.

Очень Махов обиделся на такую несправедливость и те самые замки, которые полагалось ему беречь, сбил металлическим ломом.

В магазине он сложил в мешок бутылки с коньяком, шоколад и отправился домой пить и закусывать.

Естественно, когда его застали за этим приятным занятием, он лишь вздохнул и горестно произнес:

— Одна у меня теперь надежда — на хорошего адвоката.

А хорошие адвокаты тоже бывают разные.

Попадись, допустим, стражу Махову страж закона — хороший адвокат столичной юридической консультации № 1 Индиков, он бы прежде всего предложил:

— Давайте-ка, Махов, для начала вы будете у меня не клиентом, а партнером. Сыграем мы с вами, дорогуша, в картишки. В очко. Или, на худой конец, в подкидного. Итак, карты в руки!

Такое уж у этого адвоката было странное хобби: ловить незадачливых приезжих, преимущественно на вокзалах, и жульнически обыгрывать их в карты.

И неизвестно, сколько бы еще чувствовал себя Индиков на этом поприще тузом, если бы один из обыгранных на шестьсот рубликов не поднял однажды шум:

— Караул! Держи шулера!

Пришлось теперь самому Индикову перед лицом надвигающегося суда искать адвоката...

Е. МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Дело вполне серьезное

и к тому же новое. И сложное, конечно, нервотрепочное, с массой хлопот. На работе приходилось гореть изо всех сил. Организовалась новая, да к тому же передвижная, да к тому же еще и механизированная колонна по животноводству.

Претрудоемкое дело. Явная периферия к тому же. Тут тебе и предгорья Памира, тут тебе и изматывающие дороги, тут тебе извечные беды «Сельхозтехники», тут тебе и времени в обрез.

С кадрами тоже не великолепно. Нехватка их. Такая, что даже инспектору по кадрам Джулай приходится быть еще и секретарем-машинисткой по совместительству.

Сидит вот так однажды эта инспектор-машинистка-секретарь за пишущей машинкой и торопливо отхлопывает указательным пальчиком какую-то содержательную бумагу.

И тут телефонный звонок. Обыкновенный телефонный звонок, и Джулай сняла трубку.

Однако «Я вас слушаю» она не успела сказать, потому что в приемную вбежал употевший начальник производственного отдела с заботой на лице и с вопросом: кто и куда его вызывал?

Событие тоже рядовое-прерядовое. Работа такая, что в кабинете не засидишься.

Ну, Джулай взяла да и ответила начальнику. В отдел капитального строительства его вызывали. Срочно.

И начальник умчался.

И уж после этого секретарь-машинистка-инспектор сказала трубке свое «Я слушаю».

— Кто у телефона? — по-мужски осведомилась трубка.

— Джулай, — сказала Джулай.

— А вы кто такая?

Теперь в мужском голосе звучал откровенный сарказм, плохо дошедший, правда, до слушающей. Не до интонаций ей как-то было. Она, экономя время, даже не стала перечислять всех своих титулов, а назвалась просто — секретарем.

— Я тоже секретарь! — представилась и трубка. — Но я секретарь райкома! Второй.

— Я вас слушаю, — повторила Джулай.

И трубку понесло. Сарказм на другом конце провода быстро исчезал, заменяясь гневными нотками. Скорее даже — нотами. Содержание вполне соответствовало этим нотам.

Говорилось:

1. О недопустимости каких бы то ни было с кем бы то ни было разговоров, когда звонит секретарь райкома. Второй.

2. Если же это случается, то, значит, виновный или виновная бездельничают на производстве.

3. А если это так, то виновного или виновную надо гнать с работы. Немедленно. В шею.

Логика была чугунная, требующая немалых усилий для опровержения. Да и обидно было оправдываться. Да и некогда. Поэтому Джулай молча проглотила нагоняй, положила трубку на рычаги и опять принялась долбить клавиши машинки.

Но буквально через несколько букв телефон снова ожил, и в трубке загремел тот же голос:

— Начальник у себя?

Начальник был не у себя, а, как и обычно, где-то на объекте.

Тогда трубка начала перебирать все начальство колонны, но в кабинетах все равно никого не оказалось. Из находящихся в конторе главнее всех в эту минуту трубка посчитала старшего бухгалтера Сотникову.

Джулай сбегала за Сотниковой.

— Говорит Абдыжапаров! — объявила трубка. — Садитесь в машину, захватывайте с собой вашу секретаршу и ко мне! Немедленно!

Сотникова, разумеется, полюбопытствовала, по какому делу ее вызывают, на что трубка ответила, что это не ее дело.

Выглянули на улицу: ни одна машина не прохлаждается во дворе. Тогда Джулай опять принялась достукивать то, что не достукано.

И достукалась.

Через полчаса трубка заговорила угрожающе конкретно.

— Так вы еще не у меня?! — осведомилась она.

— Нет еще, — сказала Джулай.

— Ну что ж, — предупредила трубка. — Придется, видимо, доставить вас с милицией!

Не поняли обе женщины, при чем тут милиция, вот и напугались. Вот и отправились не мешкая в райком за разгадкой. Доложились.

— Сидите вы! — предложил Абдыжапаров. — И ждите, когда я закончу инструктаж!

После чего ушел.

Минут через двадцать заглянул, проверил, ждут ли его еще.

После чего ушел.

Еще через такой же интервал вернулся за тем же.

После чего ушел.

Наконец пришел совсем.

— Старшего бухгалтера — ко мне! — сказал.

Сотникова вошла к нему. Оказалось — для разноса.

Она обвинялась в том:

1. Что не явилась в райком немедленно.

2. Что не занимается воспитанием кадров на рабочем месте.

3. Что не контролирует все телефонные звонки.

За Сотниковой последовала Джулай. Тоже — для разноса, который один раз уже произошел по телефону.

Однако обе женщины не промолчали. Возражать начали и даже спорить.

Этого им только и не хватало. В спорах не всегда ведь рождается истина. Иногда в них рождаются оргвыводы. Абдыжапаров серьезно намекнул, что его намерение гнать строптивых с производства — серьезно. В шею. Немедленно.

А назавтра он обязал их снова явиться к нему, но уже с начальником колонны Бейшенбиевым.

Явились назавтра с начальником. Доложились. Посидели с часок в приемной. Потом Абдыжапаров вызвал Бейшенбиева и побеседовал с ним. За Бейшенбиевым настал час Сотниковой, и Абдыжапаров побеседовал с обоими, ну а потом уж и до Джулай очередь дошла. Троими занялся секретарь райкома.

Говорил:

1. Что давно подметил, как тормозят производство мелкомасштабные работники.

2. Что за такое нормоповедение надо строжайше наказывать.

3. Что надо немедленно провести в коллективе воспитательную работу.

4. И что очень хотелось бы видеть в конторе колонны телефонную книгу. Аккуратненький такой, специальный такой многотомничек, чтобы и через тысячу лет археологи легко могли узнать, о чем звонили в передвижную механизированную колонну Иссык-кульского объединения «Киргизсельхозтехника». В чем там была суть дела.

Женщины опять устроили диспут, но зато начальник колонны Бейшенбиев как человек крайне исполнительный горячо поддакивал по каждому пункту, а по последнему еще и вопрос задал:

— А вы вчера по телефону не меня случайно искали?

— А? — сказал Абдыжапаров. — Э-э... Вас! Ну, конечно, вас!.. Это самое... Насчет кормоцеха хотел поговорить! Так что не забудьте мои слова о телефонной книге, и вообще я свои слова на ветер не бросаю. Это тоже попрошу запомнить.

— Пишите объяснительные, — сказал женщинам исполнительный Бейшенбиев, когда они вышли на улицу. А когда добрались до конторы, сел за стол и стремительно написал объявление о том, что назавтра с утра состоится экстренное открытое партийное собрание для обсуждения объяснительных записок Сотниковой и Джулай с обязательной явкой на него всего административно-управленческого персонала и работников линейной службы.

Собрание было. Вот только секретарь парторганизации отсутствовал и его заместитель тоже. Пришлось вести собрание самому Бейшенбиеву.

Два часа он вел воспитательно-перевоспитательную работу — и все без толку. Сотникова и Джулай не каялись, а остальные недоумевали, с какой стати вся эта петрушка заварилась.

Бейшенбиев устал. Пора было закругляться — не до морковкина же заговения так сидеть. Пора было наказывать ослушниц, вот только за что? «За нечинопочитание» не напишешь — нельзя же так дерзать в резолюциях.

— За неправильное поведение, — сообразил наконец начальник, — предлагаю объявить товарищам Джулай и Сотниковой устный выговор.

На том и порешили, тем более что членов партии и было-то на собрании всего лишь пятеро: один вел собрание, двое протоколировали и еще двое в публике сидели. И тем более, что к ущемлению устным выговором у людей давно уже выработался иммунитет.

Порешили и разошлись, а события на этом все-таки не закончились.

Ненормальности в конторе продолжались. В частности, исчез протокол собрания, где обсуждалось «неправильное поведение». Выбранные два секретаря протоколировали-протоколировали, а потом начали, препираясь, пихать друг другу свои бумажки для сведения их воедино. Никак у них ничего толком не сформулировывалось. Тогда начальник Бейшенбиев забрал бумажки себе, но у него тоже ничего путного не клеилось, и, как он теперь сам говорит, они канули в какую-то неизвестность.

И роскошной телефонной книги все еще не существует у механизаторов.

Поэтому можно считать, что начальник колонны явно недовыполнил руководящих указаний.

И из-за этого тов. Бейшенбиев за свою недостаточную радивость может теперь спокойно дожидаться возмездия. Серьезного. Вполне.

Село Теплоключенка,
Иссык-Кульской области,
Киргизской ССР.

В ГАРАЖАХ УРЧАТ МАШИНЫ...

Четырехлетний Митенька любил гулять с бабушкой во дворе дома. Там была детская площадка, где стояли ярко раскрашенные грибки, столики и песочницы. Обычно на ней собиралось много малышей. Девочки лепили из песка «вкусные пирожные», ну, а мальчишки работали на своих машинах. Самосвалы возили песок, бульдозеры рыли ямы... Все было почти, как у взрослых.

Но как-то, выйдя во двор, Митенька увидел на детской площадке настоящие машины. Они, как и игрушечные, уезжали и приезжали. Сгружали кирпич, завалив им всю детскую площадку, бульдозеры рыли ямы.. Взрослые дяди строили. Но строили не сказочные города, а кооперативные гаражи во дворе дома № 156 по ул. Малюгиной.

Ребята часами стояли и смотрели, как растут кирпичные убежища для машин. Строили дяди много дней, и когда, наконец, построили гаражи, была уже осень.

Взрослые дяди ушли, оставив кучи мусора, из-под которого не видно было детской площадки. Малыши все ждали, что вот уберут мусор и они опять начнут свои игры. Но когда убрали мусор и бульдозер прошелся по площадке в последний раз, оказалось, что место, где раньше играли дети. стало ровным и гладким, как лысая голова Митенькиного дедушки.

Родители детей бросились в Октябрьский райисполком. Там им сообщили, что строители уже оштрафованы за уничтожение площадки тридцатью рублями и заверили, что до 1 октября она будет восстановлена.

Но прошла осень, наступила зима. В гаражах урчат прогреваемые моторы. А детская площадка... Восстановят ли ее хотя бы к 1 октября нынешнего года? Митенька и бабушка не теряют надежды.

г. Ростов-на-Дону.

В. СИНЦОВА

Э. СПРАЙТ, специальный корреспондент Крокодила

КАК БОРОТЬСЯ С ЖАЛОБЩИКАМИ?

Фабула этого дела короче воробьиного носа. Инженер-экономист Тамара Полянцева жила в Таллине в одной из комнат двухкомнатной квартиры. После выезда соседа ей осталась вся квартира да плюс еще квартирный телефон. Эта площадь была для нее велика, и в один, теперь уже ясно, что далеко не прекрасный день она предложила своему соседу по лестничной клетке Анатолию Лоншакову обмен. А так как тот ютился вместе с женой и двумя детьми в одной комнате, то, естественно, весьма обрадовался такому человеколюбивому предложению.

Только одно просила Т. Полянцева — оставить за ней телефон.

— Насчет аппаратуры не извольте беспокоиться, — с жаром заверил сосед. — Мы даже оговорим такой пунктик в условиях обмена. Для нас ведь главное — жилье...

Здесь не было ничего противозаконного, ибо, согласно «Правилам пользования городскими телефонными сетями», «...телефон индивидуального пользования, установленный в отдельной квартире, по выбытии абонента должен быть передан в пользование нового жильца этой квартиры. При его отказе от телефона последний передается в пользование первого по очереди коллектива жильцов этого дома». Сформулировано несколько неуклюже, но бог с ней, со служебной стилистикой... Главное — сложившаяся ситуация вполне соответствовала правилам: новый жилец отказывался от телефона, «последний» должен быть передан «первому», а «первым» в очереди на личный телефон как раз и была уже более пяти лет Т. Полянцева. Так что начальнику городского управления телефонных сетей Х. Урбла не надо было долго колебаться перед тем, как поставить на совместном заявлении соседей резолюцию: «Перерегистрировать!».

Но тут произошло нечто непредвиденное. Когда Т. Полянцева напомнила телефонному начальству, что пора бы прислать техника для переброски аппарата к ней на квартиру, выяснилось, что ее благодарный сосед А. Лоншаков тайком зарегистрировал телефон на свое имя. Оказывается, спустя несколько дней после новоселья он подал новое заявление прямо противоположного свойства, а управление телефонных сетей поторопилось сделать поворот кругом.

— Лоншаков — сам хозяин своего слова: хочет — дает его, хочет — берет назад...

— Своего слова-то он хозяин, — заметила Т. Полянцева, — а вы разве не хозяева телефонов?

— Хозяева, хозяева, — заверили в управлении, — и именно поэтому не рекомендуем вам писать необоснованные заявления...

Конечно, Т. Полянцева была поражена вероломством своего соседа. Но не менее поразило ее, что здесь считают подобные беспринципные поступки вполне этичными. Нет, явно органы связи Таллина и республики, куда обращалась она за разъяснениями, не слишком щепетильны в прилежном выполнении инструкции.

И тут уместно вспомнить о жалобе жителя города Хаапсалу М. Мяесте, тоже вселившегося в новую квартиру. В полном согласии с правилами прежний владелец жилплощади оставил ему телефон. Но уже через неделю в гости пожаловал монтер, молча снял аппарат и установил его в квартире этажом выше.

М. Мяесте припустился к более словоохотливому начальству хаапсалуского узла связи. Из продолжительной беседы с ним выяснилось, что телефон, принадлежавший М. Мяесте, был перекантован в жилище главного инженера этого же учреждения Х. Тау.

— Не можем же мы оставить руководство связи без связи, — ответили недоумевающему М. Мяесте. — Так что ваша жалоба, извините, необоснованная...

Читатель, возможно, уже заметил, что во всех этих конфликтах фигурирует один и тот же мотив — необоснованность жалоб. Дело в том, что, в соответствии с утвержденной Министерством связи СССР специальной директивой, отныне за каждую обоснованную жалобу на работу подведомственных предприятий накладывается денежная санкция, подчас весьма чувствительная. И, конечно, каждый работник ведомства связи старается, чтобы жалоб было как можно меньше. Только старания эти бывают двух родов. Большинство связистов честно стремится улучшить свою деятельность. А другие, гм, другие, как уже сообразил читатель, из кожи лезут вон, чтобы, так сказать, дезавуировать саму жалобу...

Отсюда понятно, почему, к примеру, Тартуский городской комитет народного контроля установил, что руководители местного узла связи из 40 жалоб, поданных абонентами в 1971 году, неоправданно признали несостоятельными 26. Отсюда, скажем, ясно, отчего из 139 претензий к работе учреждений Союзпечати за 1972 год республиканское управление сочло обоснованными только 11 (что, конечно же, было опровергнуто после тщательной проверки). Отсюда понятно, наконец, почему с таким рвением борется с жалобщиками и Таллинское управление телефонной сети.

А теперь давайте из чистой любознательности посмотрим, какие же жалобы здесь полагают необоснованными. Касательно чрезвычайных случаев вроде тех, которые произошли с Т. Полянцевой и М. Мяесте, все ясно. Но вот перед нами заявления самого будничного характера.

Начальник одной из таллинских автоколонн А. Гоголев пасмурно информирует телефонное начальство: дежурное бюро ремонта телефонной станции 744 в течение долгого времени не исправляет повреждений, возникших наверняка потому, что ни разу за прошлый год не был произведен профилактический осмотр телефонной линии автоколонны.

Конечно же, на заявлении А. Гоголева начертано эпическое: «Необоснованно!»

Порядком натерпевшийся от своего телефона житель Таллина А. Лилль обратился в Министерство связи республики с таким запальчивым письмом: «Хватит меня дурачить! Исправьте аппаратуру, чтобы никому не пришлось портить нервы из-за телефона. Неоднократно звонил в бюро повреждений, начальнику управления Таллинской ТС, в абонентный отдел, диспетчеру, но до сих пор ни от кого помощи не получил... Прошу наказать лиц, виновных в беспорядке...»

Это письмо получило непривычно быстрый отклик. Причем даже сразу два отклика. Главный инженер Таллинского управления телефонных сетей Я. Лурье не поленился и в пространном объяснении начальнику дирекции электросвязи и радиофикации ЭССР А. Эрму признал, что линия, о которой шла речь в письме, была повреждена по вине механика Копельмаа, который относился к работе крайне недобросовестно и вызвал на АТС аварийную ситуацию.

Итак, виновен нерадивый механик. Хоть сквозь зубы, а все же самокритика. Второе объяснение, предназначенное для квартального отчета, выглядело куда короче: «Неустойчивая работа указанного телефона объяснялась низкой изоляцией проводов при вводе в помещение абонента». Словом, дело здесь, оказывается, не в халатности работника АТС, а в качестве проводки. А раз так, то почему бы жалобу А. Лилля не расценить как необоснованную?..

К счастью, в министерстве решили не возводить напраслину на ни в чем не повинный провод. И уже сам А. Эрм сообщил заявителю, что «жалоба признана обоснованной, а виновники дисциплинарно наказаны». Так Х. Урбле пришлось в очередном отчете скрепя сердце признать то, что он пытался замазать в предыдущем квартале.

Остается допустить, что здесь рано или поздно признают обоснованными жалобы Т. Полянцевой. И тогда за последние два с лишним года будут уже две обоснованные жалобы. Не вызовет ли это в управлении, где привыкли к лазурным отчетам, такой приступ борьбы с... жалобщиками, что только держись за телефон обеими руками!

г. Таллин.

— А здесь я был еще совсем ма-а-леньким начальником...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Гр. ВАРШАВСКИЙ

ПОБЕЛКА В КОЛЕСЕ

(БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА)

...В одном отдаленном районе,
Где ...надцатый дом от угла.
(Почти из песни)

Могучая сила—отписка.
Хоть горы она не свернет,
Зато не страдает от писка
Пера, что ее подмахнет.
Душа у отписки двоится,
А сердце затянуто мглой:
Подписано, как говорится,
И с плеч, извините, долой!
Коварен характер отписки,
А вот для примера одна
Из мест не особенно близких,
Где плещет Амура волна:
Хабаровск.
В отдельной квартире,
Где Л. Подкорытов живет
(Аксенова, 24),
Все мокнет, а также плывет.
Текут не амурские воды,
Воспетые в песнях иных,
Текут городские отходы
Из мощных систем очистных.
Жилец начертал заявление,
И дело пришло бы к концу,
Когда бы горжилуправление
Ответ не прислало жильцу:

«...Указанные факты имели место. В настоящее время подвал очищен, хол. вода отрегулирована. Ремонт лестничных клеток с побелкой и покраской будет проведен в 1 кв. 1974 г.
Начальник ГЖУ В. Журавлев».

Известно, все стерпит бумага,
Но эта бумага не в счет,
Поскольку злов...редная влага
В квартиру, как прежде, течет.
Весь дом испареньями дышит,
И снова (видать, потому)
Жилец заявление пишет
И акт прилагает к нему.
«Мы ниже...» — и далее факты
До строчки финальной: «К сему...»
А копия этого акта
Опять попадает...

к тов. В. Журавлеву, который с завидной оперативностью и обидной отзывчивостью обещает провести ремонт лестничных клеток с побелкой и покраской, а кроме того,«дополнительно» сообщает, что «контейнерная площадка установлена в соответствии санитарных норм»(?!).

Пред нами разбухшее «дело»:
Иными словами, досье;
Отпискам в нем нету предела,
Как нету конца в колесе.
Письмо Подкорытова точно
Рисует душистый потоп:
«И зал, где находится почта,
Под нашей квартирой утоп»,

что собственноручными подписями подтверждают не только работники отделения связи № 15, но и депутат райсовета П. Жиляков, член бытовой комиссии треста «Дальтехмонтаж» И. Абрамов, член постройкома А. Быков и другие вполне ответственные товарищи.

Ни дней, ни бумаги растрата,
Ни дьявольский нервов измот
Не тронет души бюрократа,
За сердце его не возьмет.
И факты, одетые в акты,
Вливаются в мощный поток,
Которым скрепляет контакты
С редакцией Дальний Восток.
А жили бы стороны в мире,
Когда б хоть однажды за год

тов. В. Журавлев нанес личный визит в квартиру «утопающего» ответственного съемщика по адресу:

Аксенова, 24,
Где Л. Подкорытов живет.

Николай КНЯЗЕВ

Старик и туристы

Горская баллада

С плетеною корзинкой
Извилистой тропинкой
Старик с горы спускался,
шагая широко.
Но, глядя в поднебесье,
Он грустные пел песни,
Хоть под гору шагалось
свободно и легко.
Пройдя внизу долиной,
И узкой и не длинной,
Полез опять он в гору
на новый перевал.
Шла вверх тропинка круто,
Но только почему-то
Дед радостные песни
при этом напевал.
Туристам показалось,
Что дед с чудинкой малость:
Бредя тропинкой в гору,
он весело поет,
А вниз идя тропинкой,
Старик поет с грустинкой...
Туристы поступали
всегда наоборот!

А дед сказал туристам:
«С горы иду я быстро,
Но помню о подъеме
и грусти не таю.
Когда ж иду я в гору,
То думаю в ту пору,
Как хорошо спускаться,—
и весело пою».

Нарочно не придумаешь

«Не успел Гехт насладиться своим геройством, как на его худое плечо легла внушительная лапа служебно-розыскной собаки.

— Это вы звонили в милицию?

— Я... пошутил,— всхлипывая, ответил Гехт».

Газета «Вечерняя Уфа».

«Возчик Полухин П. Г. не закрыл ворота в птичнике, в результате чего туда залетел ястреб. В это время мимо проходил Поздняков А. Н. Увидев ястреба в птичнике, он стал его гонять. Во время гонки ястреба по птичнику было задавлено 522 головы птицы. Ущерб нанесен в сумме 783 рубля. Просим помочь возместить ущерб...»

(Из искового заявления администрации совхоза «Прибрежный»).
Калманский район, Алтайского края.

«Справка дана Мунареву Н. С. в том, что он имеет на иждивении внука Мунарева Колю 1963 года рождения, учится во 2-м классе, является пенсионером по старости».

Прислала Созонова, г. Тобольск.

«Приказ
по строительно-монтажному управлению
№ 112/к от 16 ноября 1973 г.

Содержание: «Об укреплении трудовой дисциплины в СМУ».

1. Головиной Тамаре Валентиновне, маляру участка № 3, сменить фамилию на Веселкову Т. В.

Основание: свидетельство о браке».

Прислал А. Быков, г. Пермь.

«Акт

Составлен в том, что владелец собаки по кличке «Султан» т. Сморчков Б. Т. систематически выпускается на балкон 5-го этажа, откуда с надрывом гавкает на два двора: для жильцов домов № 18 и № 25, чем не выполняет норму советского общежития».

Прислал Н. Петров, г. Москва.

Мих. ЛЕВИТИН

ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО

Гневная повесть в восьми главах со всеми вытекающими отсюда последствиями

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЫПИСКА ИЗ ТРУДОВОГО СПИСКА

...Овцов Евгений Сергеевич, год рождения 1946, образование—среднее, должность — чертежник, благодарностей и поощрений не имеет, взыскания: см. приложение на 12 (двенадцати) страницах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПИСЬМО Е. С. ОВЦОВА СВОЕМУ ПРИЯТЕЛЮ АХИЛЛУ ЧУБРИЛОВУ

Несгибаемому блондину и неутомимому собирателю порожней посуды — цельнотянутый привет и задушевное здрасте!

И, пожалуйста, не удивляйся, что я долго тебе не писал. Не до писем, старик! Тут у меня в квартире такой ноктюрн получился, что я сам чуть было не угодил в крепкие объятия нашего участкового надзирателя.

Ну, посуди сам, вхожу я на кухню, смотрю на четырехконфорную плиту, а все горелки заняты. И на каждой котелок. В одном щи булькают, в другом — молочный суп, в третьем — солянка, а на моей горелке чья-то хековая уха. Что же это делается, думаю. У меня с похмелья во рту пересохло, душа чая требует, а они всякую кулинарию развели? Освободил я свою горелку, поставил чайничек, а уху разлил аккуратно по остальным кастрюлям. Пусть для разнообразия этого ассорти похлебают. А самого смех разбирает, очень уж я с самого детства к жизнерадостному юмору расположен. Другим не смешно, а я от смеха живот поджимаю. Только не думай, пожалуйста, что эти ничтожные суповладельцы и кастрюлепочитатели оценили мой смелый эксперимент. Черта с два!

Наоборот, шум подняли, вой, галдеж, крик. Когда же, кричат, вы, Евгений Сергеевич, безобразничать прекратите? Больше десяти лет мы с вами мучаемся, а вы что ни день, все больше и больше наглеете.

Ну, гляжу, дело плохо. Взбунтовалась наша квартирная общественность. Братья Курлапины уже за веревками побежали.

Еще минута, думаю, и упакуют меня, голубчика, как белье перед отправкой в прачечную. Надо действовать, пока не поздно.

И применил я здесь, мин херц, наш с тобой возлюбленный приемчик. Вышел на середину кухни, оглядел всю компанию дважды сверху вниз, стукнул близлежащей сковородкой по близстоящему чайнику да как гаркну на полную голосовую мощь.

— Цыц! — кричу.— Приказываю не дышать и не двигаться!

И что ты скажешь? Подействовало!.. Притихли сразу, дрожат, головы опустили, как перепуганные попугайчики на жердочках, и ни слова. Только один Крушинов руку поднял и вежливо спрашивает:

— Разрешите, товарищ Овцов, в комнату удалиться, валерьяночки с ландышем принять?

— Давно бы так,— говорю,— и чтобы больше никаких истерик! Никаких стихийных протестов и возмущений! Понятно?

Женщины, правда, еще минут пять побушевали. А что касается мужчин, то они моментально повернули на все двести сорок пять градусов. Улыбаются, мусор с моего пиджачка сдувают, ходят вокруг меня хороводом, и все в один голос:

— Простите, Женечка! Погорячились, Женечка! Больше не будем, Женечка!

Однако, дорогой коллега, после этой общеквартирной вспышки стал я замечать какую-то перемену в моих соседях.

Чует мое сердце, Ахиллес, что готовят они мне прехитрющий подкоп и неслыханный разгром.

Твой ошалевший до мозга костей

Евгеша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОСЛАНИЯ ОТ ЖИЛЬЦОВ КВАРТИРЫ № 89 ДОМА № 16 ПО МАЛОБЕСКОНЕЧНОМУ ПЕРЕУЛКУ ДИРЕКЦИИ И МЕСТКОМУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ПО ИНТЕНСИВНОМУ ПРОТИРАНИЮ ЧЕРЕШНЕВОЙ МЯКОТИ (НИИПРИЧЕМ)

Уважаемые товарищи!

В вашем учреждении вот уже несколько лет работает в качестве чертежника гражданин Овцов Евгений Сергеевич. Как говорится в телевизионных передачах, Евгений Сергеевич — человек трудной судьбы. Несмотря на его твердую моральную устойчивость, он крайне несчастлив в своей лично-семейной жизни.

Пять лет назад от него ушла его первая жена, мотивируя свой поступок крайней малометражностью комнаты. Надменная эгоистка, она плюнула на все нравственные устои, выйдя замуж за владельца трехкомнатной кооперативной квартиры.

Что касается самого гражданина Овцова, то, продолжая проживать на занимаемой площади (шесть метров — окно во двор), он неоднократно предпринимал попытки наладить семейную жизнь, но в силу своей хронической жилищно-бытовой недостаточности вынужден до сих пор оставаться холостяком.

Возможно, что другой бы, очутись он в таком положении, упал духом и на базе своего одиночества начал пить и дебоширить.

Но не такой человек Овцов Евгений Сергеевич. Очень даже не такой!

Повседневно мобилизуя все свои внутреннедушевные ресурсы, он ведет себя всегда сдержанно и благородно, не роняя высокого звания жильца коммунальной квартиры.

Глядя на него, все мы, его соседи, неоднократно советовали ему обратиться по месту службы с просьбой улучшить жилищное положение. При этом мы указывали целый ряд примеров, когда администрация некоторых учреждений и предприятий предоставляет своим работникам даже отдельные малометражные квартиры в порядке улучшения жилищных условий.

Но на все наши доводы Евгений Сергеевич категорически заявляет, что он человек одинокий, может потерпеть, поскольку есть более нуждающиеся сослуживцы.

Вот почему мы, квартирные соседи Евгения Сергеевича, решили прямо обратиться к вам с этим письмом в надежде, что вы сами проявите необходимую инициативу тем более, что он неоднократно подчеркивал высокие качества руководителей вашего института.

Мы твердо уверены, что вы, ознакомившись с этим письмом, примете действенные меры по улучшению жилищного положения Е. С. Овцова и тем самым предотвратите неизбежное погружение любимого нами всеми человека в пучину крайней безысходности и бескрайнего пессимизма.

Во избежание нашего обращения в более высокие инстанции просим как можно скорее решить этот вопрос и о результате сообщить нам по указанному адресу.

Заранее благодарим.

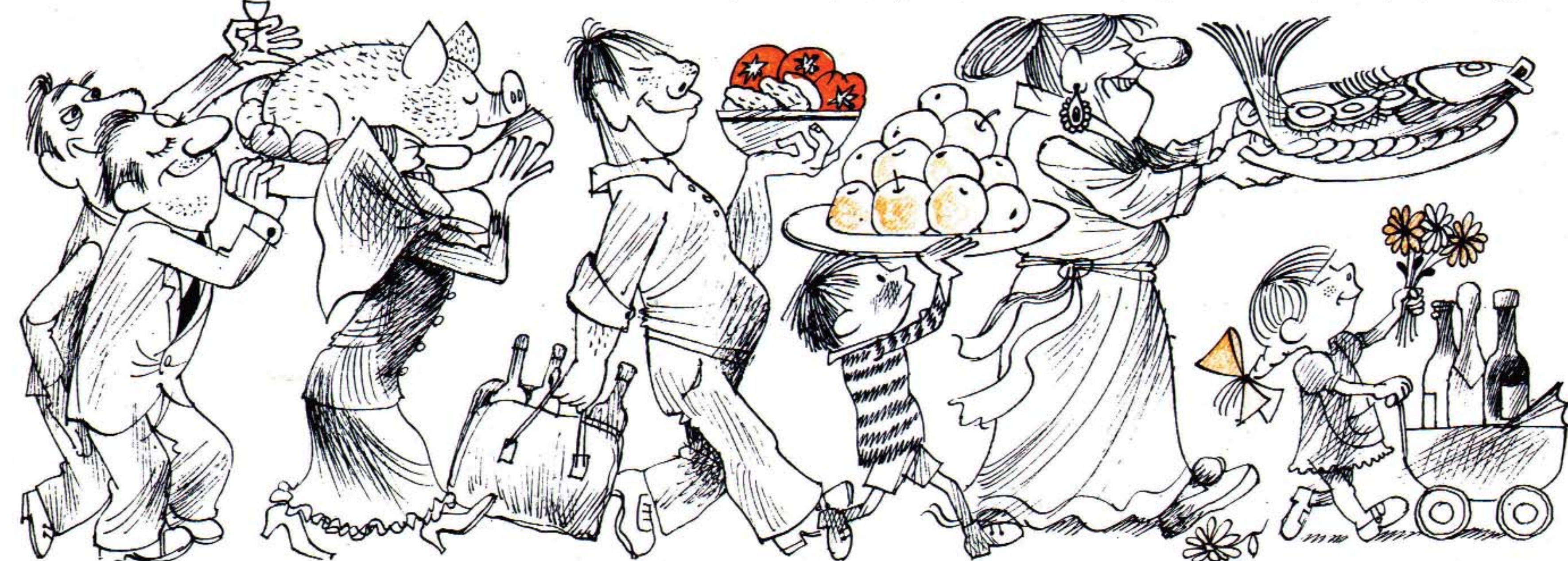
Квартирные соседи Е. С. Овцова.
Следуют двадцать четыре подписи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ ДИРЕКТОРА «НИИПРИЧЕМ» Г. К. ПОЛУГУБОВА НА ЗАСЕДАНИИ КВАРТИРНОЙ КОМИССИИ

Как и многие учреждения, мы регулярно получали и получаем немало писем от квартирных соседей наших сотрудников. Но какие это письма, товарищи! Скажем честно — нехорошие письма. Почти всегда анонимные, основной задачей которых является сообщение о неблаговидных поступках людей, работающих в «НИИПРИЧЕМ».

Письмо из коммунальной квартиры Е. С. Овцова, во-первых, не анонимное, во-вторых, не содержит обвинений в воровстве, разврате, спекуляциях и в беспатентном изготовлении изделий из чугуна, серебра и золота.

Но, помимо своей высокой гражданственности, горячей любви и доброжелательства к своему соседу, обращение жильцов этой коммунальной квартиры дает возможность увидеть во всей его диалектической полноте подлинный образ доброго, порядочного и принципиального человека, который являет собой пример моральной стойкости, удивительной скромности, способного по достоинству оценить высокие качества некоторых руководящих деятелей нашего института.

Исходя из всего сказанного, я считаю необходимым в порядке исключения включить вне очереди Е. С. Овцова в список на получение однокомнатной квартиры, учитывая при этом образцовое поведение в быту и тяжелое семейное положение.

(Аплодисменты, гул одобрения.)

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕСЕДА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕСТКОМА А. С. ДНИЩЕВА с Е. С. ОВЦОВЫМ

ОВЦОВ. Что это я вам вдруг понадобился?

ДНИЩЕВ. Письмецо мы получили от ваших квартирных соседей.

ОВЦОВ. Написали, значит? Не сдюжили? Решили широкую общественность на меня натравить. Вы, дорогой председатель, этой шайке-лейке не верьте. Врут они все!

ДНИЩЕВ. То есть как это врут?

ОВЦОВ. Могу популярнее. Уж я-то их, слава богу, десять годков знаю. Они только прикидываются порядочными. А на самом деле не квартира, а форменное стойбище. Что ни сосед, то обязательно скандалист, зануда и к тому же ярко выраженный ахламон.

ДНИЩЕВ. Ничего не понимаю!

ОВЦОВ. А что тут особенно понимать? Думаете, даром о таких людях фельетоны пишут? Мещане и обыватели. Самые что ни на есть профилированные. К тому же, учтите, я один, а их двадцать четыре человека в поле зрения!

ДНИЩЕВ. Да кого «их»?

ОВЦОВ. Квартирантов... соседей... Им что! Стоят себе целыми днями у газовых горелок и всякие свои мелкотемные проблемы обсуждают... А я, если желаете знать, жертва! Даже чайник вскипятить не могу. На кухне стараюсь не появляться, чтобы только это зверье не раздражать. Я вам честно говорю, как член профсоюза.

ДНИЩЕВ. Вот уж никак не ожидал!

ОВЦОВ. Вы не ожидали, а я от них всего ожидаю... Не верьте им. Со света меня сжить хотят. Каждый день милицией грозятся. Статью о хулиганстве пришить хотят.

ДНИЩЕВ. Да помолчите вы минутку. Послушайте, что они о вас пишут.

ОВЦОВ. И слушать не желаю. Клевета!

ДНИЩЕВ (*читает*). «...наш Евгений Сергеевич — человек хороший и очень порядочный...»

ОВЦОВ (*в азарте*). Это кто, я порядочный?

ДНИЩЕВ. Их слова, не мои... Врут, значит?

ОВЦОВ (*спохватился*). Нет, почему же, что правда, то правда... Дальше, дальше читайте!

ДНИЩЕВ. Могу. (*Читает.*) «...но есть у него и большие недостатки. Мы имеем в виду его врожденную скромность, переходящую в постоянную стеснительность и стыдливость...» Что вы на это скажете?

ОВЦОВ (*окончательно осмелел*). Правильно. Признаю. Я человек принципиальный и против правды, какая бы суровая она ни была, никогда возражать не буду.

ДНИЩЕВ. Но вы же, товарищ Овцов, только что заявляли совсем другое.

ОВЦОВ. Возможно, Аркадий Семенович, вы меня чуточку недопоняли. Ведь я про что говорил?

ДНИЩЕВ. Про свою коммунальную квартиру...

ОВЦОВ. Так и есть. Ослышались. Я не мою коммунальную квартиру имел в виду, а, так сказать, в широкоформатном аспекте...

ДНИЩЕВ. Значит, «вообще»?

ОВЦОВ. Вот именно, «вообще». А что касается моих соседей по квартире, то один другого лучше. Ангелы какие-то, а не люди. Сплошная чуткость и доброта. О них роман писать надо, поэмы, песни петь под электрогитару!

ДНИЩЕВ. С этим предложением, товарищ Овцов, я бы вам посоветовал в творческие союзы обратиться. А что касается нашего учреждения, то, приняв во внимание ходатайство ваших соседей, руководство института совместно с профорганизацией постановило включить вашу кандидатуру в список на получение однокомнатной квартиры. Через недельку приходите за ордером.

ОВЦОВ. Спасибо. (*Встает, жмет руку Днищеву.*) Большое, сердечное мерси!

ДНИЩЕВ. Соседей своих благодарите. Удивительные люди!

ОВЦОВ. Удивительное, оно всегда рядом!

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

СОСТОЯЩАЯ ИЗ ОДНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ НА КУХНЕ

Внимание, внимание!

К сведению всех граждан, проживающих в нашей квартире!

29 июля с. г. в помещении кухни состоится торжественное мероприятие по случаю и в ознаменование предстоящей разлуки с нашим дорогим и незабвенным соседом Е. С. Овцовым.

В программе товарищеский ужин, танцевальные ритмы под магнитофон, тосты, выпечные изделия и общеквартирный КВН.

Начало — ровно в 18 часов 15 минут.

Плата за вход — 3 рубля.

Дети до года проходят бесплатно.

Квартуполномоченный Афанасий Курлапин.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВТОРОЕ ПИСЬМО Е. С. ОВЦОВА СВОЕМУ ДРУГУ АХИЛЛУ ЧУБРИЛОВУ

Здоров, проказник!

Настоящее послание содержит чрезвычайно важную информацию о предстоящих переменах в жизни твоего неугомонного друга Эйжена Овцова.

Читай и удивляйся! Не пройдет и двух недель, как свершится вековая мечта моих соседей — они наконец-то избавятся от моего пребывания, а я стану обладателем ключа от собственной квартиры.

Не правда ли, здорово?

Телеграфируй дату приезда. Не мыслю новоселья без твоего активного участия.

Жду, волнуюсь. И снова жду.

Евгений Овцов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

ПОСЛЕДНЯЯ. РАССКАЗЫВАЕТ КАПИТОЛИНА ЗАХАРОВНА БЕРКУЛЬЕВА, ПРОЖИВАЮЩАЯ В ОДНОЙ КВАРТИРЕ С Е. С. ОВЦОВЫМ

...Дело прошлое, а когда наш Курлапин это письмо послал, я и поверить не хотела, что какой-нибудь толк будет.

— Кто же,— говорю,— такому, как наш Овцов, жилищное положение улучшать станет? Был бы человек порядочный — дело другое. А этому подонку и шестиметровой комнаты много.

Только Курлапин со мной никак не согласился. Вы, мол, Капитолина Захаровна, очень даже неверно рассуждаете. Лично я прежде, чем письмо сочинять, все как следует обдумал. У них в учреждении все наоборот.

И ведь не ошибся. Отдельную квартиру этому подонку дали! Ну как здесь не радоваться!

По этому случаю все мы прямо с ума от счастья посходили. Обнимаемся, целуем друг друга, ватрушки печем, коржики, пироги с капустой. А на другой день — выходной аккурат совпал — торжественный банкет устроили.

Вначале решили Овцова не приглашать, но тут наш квартуполномоченный вмешался. Нельзя, говорит, без него. Я, говорит, специальный квартирный КВН придумал, чтобы по ходу действия каждый жилец свое мнение мог безбоязненно высказать. Так что, как хотите, а Овцова обязательно надо позвать. Пусть, подлец, услышит, что о нем порядочные люди думают!

Ну, раз так, говорим, ладно, зовите, не возражаем.

Вот и позвали на свою голову.

Поначалу мы даже удивились: сидит, так интеллигентно курит, пьет водку, пивом запивает, коньяком закусывает, улыбается. Прямо подменили парня. Только ненадолго. Как только он коньяк с портвейном мешать стал — здесь все и началось.

Кричит, ногами топает и стулом замахивается на нашего квартуполномоченного.

— Вы,— кричит,—общественность обманули! Я из-за вас незаконно квартиру получил...— А сам стулом размахивает и ногами из ватрушек блины делает.

А уж когда он из телевизора антенну вытащил, тут видим, что дело совсем худо и без милиции никак на этот раз не обойтись. Ну, и вызвали.

Не учли мы в горячке, что милиция о его художествах по месту службы сообщит и ордера на новую квартиру ему не выдадут. Потому что закон такой строгий есть: если человек ведет себя плохо — хулиганит или пьянствует, то его с квартирной очереди обязательно снимают. И тут уж от начальства ничего не зависит. Закон справедливый, чего говорить, только нам-то каково? Сидим и волосы на себе рвем.

Теперь одна надежда на лифтершу из соседнего дома. У нее на примете молодая вдова с отдельной квартирой в новом районе. Взялась сосватать. Дело, говорит, верное. Наш Овцов ей по всем статьям подойдет. У нее покойный муж еще покрепче закладывал, да и сама она по линии алкоголя никакого отставания не допускает...

г. Ленинград.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ПОРУЧЕНИЕ

Вчера вызывает меня к себе начальник нашего строительного участка и говорит:

— Надо что-то делать!

— Да я целый день только этим и занимаюсь, — отвечаю я ему. — Вот посмотрите, обувь у меня какая пыльная, и на рукаве пятно от краски. Работаем...

— Да я не о том,— махнул он рукой.— Надо что-то делать, чтобы опередить соседний участок. Там люди за прошлый квартал премии получили, а мы ничего.

— Производительность у нас ниже,— поддержал я разговор.

— Будет ниже с такими, как ты! Только о «козле» и думаешь. Толку от тебя на стройке чуть! Вот я и решил: чтоб ты без дела не слонялся да людей от работы не отрывал, пошлю-ка я тебя к соседям опыт перенимать! Посмотришь, что и как, может, у них секреты какие заимствовать можно, рационализацию там всякую. Надо же нам с ними по производительности сравняться...

— Сравняемся! — заверил я.— Раз вы мне такое дело доверяете, в лепешку расшибусь, но добьюсь, чтоб у нас показатели не ниже чем у них были! Вот увидите...

И отправился я прямиком на соседнюю стройку. Как раз в обеденный перерыв попал. Сажусь на ящик, домино достаю. Сколотил компанию. Только начали игру, бригадир подходит.

— Бросайте,— говорит, — перерыв закончился.

— Сейчас,— отвечаю.— Самую малость нам доиграть осталось. Не знаю вот, что делать: дуплиться троечным или конца брать?

— Конечно, конца бери,— советует бригадир.

— А дупель не отрубят?

— Не успеют. Ты рыбу сделаешь.

— Какая там рыба! — съехидничал я.— У партнера на руках сто очков, а я рыбачить буду! Тоже мне игрок! Если не понимаешь, так не советуй!

Очень мои слова бригадира обидели.

— Кто, я не понимаю? Да я тебе сейчас сухого сделаю!

Сел он играть. А тут как раз мастер подбегает.

— Почему не работаете?

— Да вот,— говорю,— бригадир ваш утверждает, что на всей стройке равных ему игроков нет. По сравнению с ним вы все приготовишки!

— Ну, это мы после работы посмотрим, — поджал губы мастер.

— Чего там ждать, давайте я вам свое место уступлю. А то ведь потом вы этого хвастуна и не разыщете,— посочувствовал я.

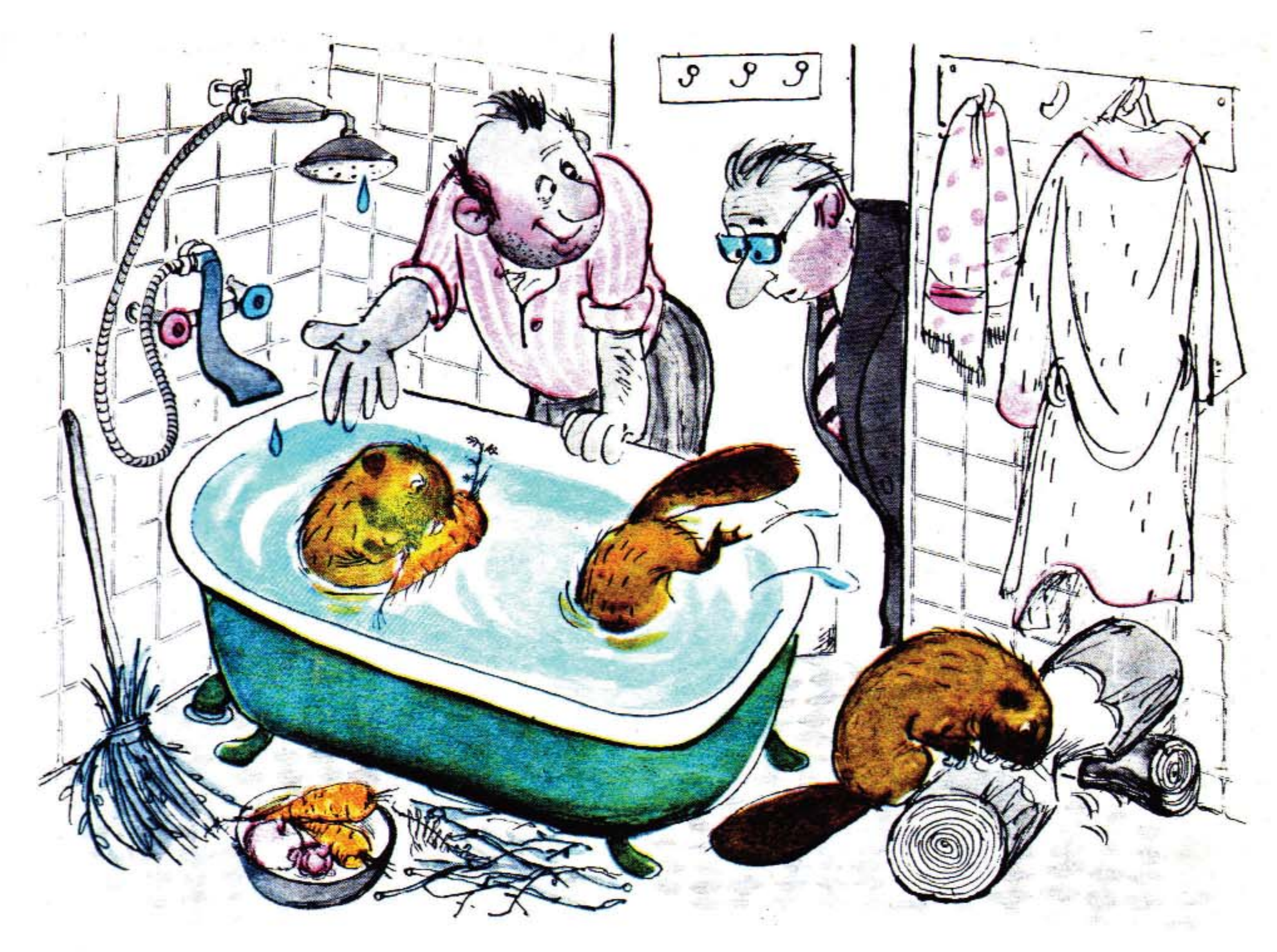
Заколебался мастер, стоит раздумывает.

— Или вам слабо? — спрашиваю я у него.— Погорячились, наверно, а теперь не знаете, как отступиться? Ну, ничего, не расстраивайтесь, это бывает...

— Мне слабо? — прищурился мастер.— Ну, ладно, держись, бригадир!

Сел он на мое место. Вокруг болельщики собрались. Всем интересно, чья возьмет. Крановщик прибежал поглядеть, а то он сверху ничего разобрать не мог. Штукатуры за бригадира болеют, каменщики — за мастера. А я на часы поглядел и пошел звонить нашему начальнику.

— Все в порядке! — кричу ему в трубку.— Я же обещал вам, что в лепешку расшибусь, но добьюсь того, что мы с ними по производительности труда сравняемся!

— Решил вот в бобровом воротнике пощеголять!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

ДВА РАССКАЗА

Федор МАКИВЧУК

Как Сережа рубль искал

— Сережа, сбегай, лапочка, в магазин и купи кило сахару.

Сереже шесть лет, и он охотно помогает маме по хозяйству. Мальчик уже и за молоком ходит, и за хлебом, и за колбасой, и за конфетами. За конфетами Сережа может пять раз на день ходить. Ему это совсем нетрудно. Да и магазин недалеко от дома.

Дала мама Сереже серебряный рубль, он положил его в верхний кармашек рубашки-безрукавки и пошел.

Надо вам знать, что по дороге в магазин есть очень красивый лужок. Трава по колено, а в ней купают свои зеленые косы плакучие ивушки. Кругом ромашки цветут, даже в глазах мелькает. На одной ромашке Сережа увидел большого красного мотылька с желтыми и черными кружками на крылышках. Таких красивых мотыльков Сережа еще никогда не видел, хоть уже второе лето собирает для своей коллекции всяких мотыльков и бабочек.

Сереже ужасно захотелось поймать этого красавца, он тихонько сошел с тротуара и стал подкрадываться к мотыльку. Вот он уже у самой ромашки, протянул руку, чтобы схватить мотылька за крылышко, а тот порх — и полетел. Сережа бегом за ним, запутался в высокой траве и упал.

Видит Сережа, что без сачка ему мотылька не поймать. Делать нечего— направился в магазин. Подошел к кассе, хотел уже сказать: «Тетя, выбейте мне кило сахару», но вспомнил, что нужно сначала рубль достать. Сережа — в карман, а там пусто. Пропал рубль.

Заплакал Сережа и побежал на то место, где за мотыльком охотился, но не пошел в траву, где он упал, а бродит по тротуару и ищет рубль на асфальте.

Прохожие спрашивают:

— Что ты, мальчик, тут ищешь?

— Рубль потерял,—утирая слезы, отвечает Сережа.

— А ты тут его потерял?

— Нет, там в траве. Там я мотылька ловил и упал.

— В траве и ищи. Чего же на тротуаре ищешь?

— Эге, тут вон как видно все и то не могу найти, а в траве — как я его найду?

Видели такого чудака?

* * *

Сережа меня не удивляет. Он еще маленький. Меня очень удивляют некоторые взрослые дяди, которые точно таким же образом ищут скрытые резервы производства.

Опытный кадр

— Очень обидно и больно, когда тебя снимают с работы да еще в глаза колют: «Вишь ты, как раздался на казенных харчах!» — жаловался мне Микита Кикоть, когда его «выдвинули» с поста управляющего трестом на должность директора районной конторы «Гастрономторга».

Должен вам сказать, что Микита Кикоть принадлежит к той категории кадров, которые не из одной печи хлеб ели. Его послужной список уже не вмещается в обычный листок по учету кадров—приходится делать вкладку.

Не сумел Кикоть вписаться и в роль директора «Гастрономторга». И его вынуждены были «выдвинуть» на пост директора ресторана «Кудрявые клены». Сердился Микита, что и на этот раз его кольнули: «Вишь, какую ряшку наел!» — но деваться ему было некуда — принял ресторан.

Принял и сразу же пошел в подсобку. Кладовщик даже побледнел, увидев нового директора. «Ну, — думает, — сейчас начнет проверку». Но Кикоть и не думал ничего проверять. Он разделся до трусов, встал на весы и сказал кладовщику:

— Взвесь!

Тот от удивления пожал плечами, но взвесил.

— Сколько? — спросил Кикоть.

— 112 килограммов.

— Запиши в книгу: «вес нетто 112 килограммов». И смотри, чтоб никуда эта книга не делась!

— А зачем это?—спросил совсем ошалевший кладовщик.

— «Зачем, зачем»! Нужно! Когда будут снимать, так чтоб не говорили, что раздался на ваших харчах.

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

АЛЕНКОН (Франция). Семья фермера Леруа первую неделю нового года провела не выходя из дома: хозяин земли, на которой построен дом, перегородил единственную дорогу. Когда стали кончаться съестные припасы, Леруа написал жалобу президенту республики. Ответ Елисейского дворца гласил: если не удастся договориться с землевладельцем, дело может быть передано на рассмотрение суда. Чем закончится тяжба, неизвестно. Может быть, придется семью фермера снимать с крыши их дома при помощи вертолета: с частной собственностью шутки плохи.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН. Газета «Дер тагесшпигель» сообщает, что в 1973 году 50 тысяч китайцев бежали из Китая за границу. Многие из несчастных беглецов перебираются вплавь через кишащую акулами бухту между Китаем и Гонконгом. Очевидно, уж лучше акулы...

ВАШИНГТОН. Американское министерство юстиции сообщает: в 1973 году были приговорены к соответствующим мерам наказания бывший вице-президент, два бывших члена кабинета министров, три члена палаты представителей, один бывший сенатор и один бывший федеральный судья. Кроме того, были предъявлены обвинения пятидесяти с лишним должностным лицам органов власти в штатах и на местах. Вышли в отставку два министра юстиции.

У рядовых американцев поневоле возникает грибоедовский вопрос: «Где! укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы!»

КАНТВЕЛ (Аляска). Этот небольшой городок, являющийся фактически собственностью архимиллионера Германа Коттера, продается за 750 тысяч долларов. Об этом объявлено в американских газетах. Особо подчеркивается, что в назначенную цену входит и стоимость двух ресторанов, двух бензоколонок и мотеля на 200 машин.

О жителях Кантвела, их «стоимости», а главное, об их будущем, газеты не сообщают ничего.

И. ПОГОДИНА

Там был порядок...

— Дожили! — сказал один состоятельный житель Претории, столицы Южно-Африканской Республики, другому, не менее состоятельному.— Форстер заявил, что белые не должны соваться в политические дела небелых, и наоборот.

— Не может быть!

— А вот почитайте-ка выступление нашего премьер-министра на обеде с журналистами.

И г-н Уайт протянул газету г-ну Суперуайту.

— Действительно! — изумился г-н Суперуайт.— Так и сказано: «Белым не следует вмешиваться в политические дела небелых, а небелым — в политические дела белых». Выходит, если теперь африканец заикнется о прибавке к зарплате, то я уже не могу и вмешаться ему по физиономии?

— Да нет, можете. Раз их зарплата в наших руках, значит, они, требуя прибавки, вмешиваются в наши политические дела. Чего господин Форстер в своей речи как раз и не рекомендует.

— Им следовало бы знать, чем кончается такое вмешательство! Наша полиция в год ухлопывает по полсотни человек за такие дела. По своему усмотрению ухлопывает, не обременяя судебные органы процедурами суда и следствия. Хотя, надо признать, что полицейские тоже порой не на высоте. Вот был случай: решили наши парни переименовать город Диспэтч в Форстер — в честь премьера. А жители, видите ли, не согласны. Сошлись на площади и ну протестовать.

— И полиция бездействовала? Не могла сообразить, что это явное вмешательство в наши политические дела? Надо было перестрелять их на месте.

— Вот именно! Несогласные превратились бы в покойников, и переименование прошло бы тихо.

— Хорошо еще, что такие лопухи, как эти диспэтчские полицейские, в стране почти не встречаются. У нас много энергичных парней. Вот в Блумфонтейне — там двум тысячам африканцев намертво прикрепили на запястья металлические кольца с номерами. Пусть номерки напоминают им о концлагерях Гитлера.

— Да, вот у него был порядок!..

Политика империалистических кругов, приведшая к обострению энергетического кризиса, является одной из причин нарастающего экономического кризиса в странах капитала.

ДЖИН-74

Рисунок М. АБРАМОВА

Александр Алексеевич СУКОНЦЕВ

(К 50-летию со дня рождения)

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ПОРОТЬ НЕ ПЕРЕПОРОТЬ»

В одноименной заметке («Крокодил» № 28 за 1973 год) рассказывалось о том, как перед началом учебного года жительница города Дятькова Е. Иванова заказала своему сыну в местном комбинате бытового обслуживания школьный пиджак. Но 1 сентября прошло, а пиджак не был готов. Когда же через несколько месяцев его сшили, он оказался так испорчен, что его тут же пришлось отдать на переделку. После этого его переделывали еще восемь раз, но пощеголять в новом пиджаке школьнику Иванову так и не пришлось.

Как сообщает начальник Брянского областного управления бытового обслуживания населения тов. В. Фомин, администрацией Дятьковского комбината бытового обслуживания приняты меры к выполнению заказов в срок. За волокиту и недобросовестное исполнение заказа старшему мастеру ателье тов. Т. Рубиной объявлен выговор. Заказчице принесены извинения и возмещена стоимость испорченного пиджака.

«В ТРИ ПОГИБЕЛИ БЕЗ ГИБЕЛИ»

Различны способы борьбы с пьянством. В конторе Бичурской передвижной механизированной колонны межколхозстроя (Бурятская АССР) придумали свои меры воздействия на пьяниц. Они получали зарплату в особом окошке без всякой очереди, тогда как все остальные простаивали по часу-полтора. Об этом шла речь в заметке «В три погибели без гибели» («Крокодил» № 28 за 1973 год).

Как сообщает председатель объединения Бурятмежколхозстроя тов. П. Березкин, администрация, партбюро и местком Бичурской передвижной механизированной колонны признали ошибочность такого способа борьбы с пьянством и отказались от него.

Л. ЛАГИН

НЕПРИСТРОЕННЫЕ СТРОКИ

Лакеи не уважают тех, кто их уважает.

Кончил дело — прошнуруй.

Наследить в литературе и оставить в ней след — совсем не одно и то же.

Не от хорошей жизни обезьяна превратилась в человека.

Опоздал на банкет и остался вне икры.

Для ловкачей передние рубежи — передние в домах вельмож.

Нет в мире совершенства: у Нефертити были оттопыренные уши.

Не столько литературная находка, сколько литературная выходка.

Одни люди вносят в общее дело свою лепту, другие — свой лепет.

Пекин — цитатель маоизма.

— В стаю собираются: весна скоро.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— А ну, дыхни!

Рисунок С. СПАССКОГО

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

ШИРОТ РАЗНЫХ УЛЫБКИ

«Дас кляйне блат», Австрия.

— Пианист живет этажом выше.

«Ой», Мексика.

●

Ковач прогуливается по парку с ребенком. К нему подходит Сабо.

— Какой у вас очаровательный сын! Глаза, нос, рот, волосы — все ваше! Ну просто красавец, а не мальчик. Между прочим, одолжите мне десятку до первого.

— Не одолжу,— холодно говорит Ковач.— Это ребенок моей жены от ее первого брака.

●

Студент выходит из аудитории. Товарищи спрашивают его:

— Ну что, сдал?

— Как будто сдал.

— А что он у тебя спрашивал?

— А кто его знает! Он же спрашивал по-немецки.

●

Женщина в меховом ателье:

— Мне нужно отремонтировать шубу, а точнее, заменить в ней одну вытертую шкурку.

Осмотрев шубу, мастер говорит:

— К сожалению, мадам, мы не можем помочь вам. Дело в том, что животные, из шкур которых была сшита ваша шуба, давно вымерли.

●

— Папочка, а почему жених и невеста держатся за руки, когда идут к венцу?

— Таков обычай, сыночек. Боксеры перед боем тоже подают друг другу руки.

Бане ЙОВАНОВИЧ (Югославия)

Кто за твоей спиной?

Встретил я на улице старого знакомого. Давно его не видал.

— Хорошая погода,— сказал я и посмотрел ему прямо в глаза.

— Хорошая, говоришь? — переспросил он и внимательно посмотрел при этом через мое плечо. Хотел, наверное, увидеть, кто стоит за мной.

— Предсказывают потепление.— сказал я.

— Потепление? — улыбнулся он, вновь глядя через мое плечо.

— А вчера я чуть-чуть не заплатил штраф. Каждый день меняют правила езды!

— Каждый день?

— Ну да! Позавчера на нашем перекрестке запретили левый поворот, а вчера — правый. Борются с беспорядком.

— С беспорядком борются? — усмехнулся он и снова пристально заглянул за мое плечо.

— Человека ведь уважать надо! — сказал я.

— Надо? — переспросил знакомый.

— Бывает, легче защитить памятник, чем человека.

— Памятник?

— Да и памятник не всегда сохранишь. Сколько их пропало!

— Пропало?

Я вспомнил, что мне нужно зайти в аптеку, и сказал ему об этом.

— А что тебе там нужно?

— Таблетки от бессонницы. Надоело бодрствовать и днем и ночью. Бессонница меня убьет.

Тут мой собеседник побледнел. Он больше не заглядывал за мое плечо. Теперь он испуганно смотрел мне прямо в глаза.

— Слушай, скажи откровенно,— спросил он,— кто стоит за тобой? Кто тебя поддерживает, защищает? Ты ведь так открыто обо всем говоришь... Так смело...

Я не успел ответить. Бедняга, он так смешно выглядел, когда бегом перебирался на другую сторону улицы!

Я обернулся. За моей спиной никого не было.

Товарищ За и товарищ Быть-по-сему

— Меня зовут За. Я всегда за и никогда не могу быть в чем-либо виновен. Если кто-то и должен быть виноват, то это тот, кто против.

— А меня зовут Быть-по-сему, дорогой мой. И если уж дело обстоит так — быть по сему!

Познакомившись, За и Быть-по-сему принялись обсуждать хозяйственные вопросы.

За был за то, чтобы на правом берегу большой реки построить большую фабрику, и за то, чтобы она производила дудочки.

Быть-по-сему сказал:

— Быть по сему!

Через год выяснилось, что дудочки никому ни к чему...

Тогда За придумал три способа реализации дудочек.

Первый способ: предложить, чтобы легковесные журнальчики, проводящие всякие конкурсы, выдавали дудочки, которые никому ни к чему, в качестве первой, второй и третьей премий победителям.

Второй способ: разрекламировать дудочки, сфотографировав какие-нибудь популярные личности с этими дудочками в руках.

Третий способ: по этому поводу выступить с речами.

Выслушав За, Быть-по-сему сказал:

— Быть по сему!

Однако журнальчики в качестве премий предпочли дудочкам цветные трехканальные холодильники обтекаемой формы. О дудочках они и слышать не хотели.

Видные личности далеко обходили фабрику, и сфотографировать какую-нибудь звезду с дудочкой в руках тоже так и не удалось.

Естественно, что выступать с речами не представлялось никакого повода.

Тогда За выступил за то, чтобы фабрику перетащить на другой берег реки. Быть-по-сему, натурально, сказал:

— Быть по сему.

Однако после переселения оказалось, что забыли перенести фабричную трубу, и дыму идти было некуда. Производство дудочек само по себе прекратилось.

За был, разумеется, за прекращение. А Быть-по-сему опять же сказал:

— Быть по сему!

Товарища За и товарища Быть-по-сему привлекли к ответственности.

— Товарищ За, вы, как нам удалось установить, были за и в первом, и во втором, и в третьем случаях. Так?

— Конечно, ведь я — За.

— А вы что говорили, товарищ Быть-по-сему?

— Быть по сему!

— Мы собираемся примерно наказать вас.

— Но как я могу быть в чем-то виноват, если я был за? — спросил За.— Если кто-то виноват, то это может быть только тот, кто голосует против!

Руководители переглянулись и спросили у кворума:

— Кто против?

Никто ничего не сказал. Молчание длилось более часа.

Наконец, один встал и сказал:

— Я против товарища За!

— Ты не за?

— Нет, я за, я только против товарища За! Я считаю, что товарища За надо снять.

— Кто за?

— Все мы за! — дружно сказал весь кворум.

И товарищ За сказал:

— Я за!

А товарищ Быть-по-сему сказал:

— Быть по сему!

Перевел Г. КОФМАН.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Карузела», Польша.

Две старые девы беседуют:

— Недавно я прочитала, что одна дама отвезла в крематорий уже четвертого мужа.

— Так и бывает,— с грустью отвечает другая.— Мы не можем найти ни одного мужа, а другие сжигают по нескольку.

●

С пассажирского корабля, потерпевшего аварию в открытом море, спаслись на крошечном необитаемом острове две пассажирки — англичанка из Лондона и шотландка из Глазго. Через несколько дней у них кончились последние крохи пищи и не осталось никаких шансов на спасение.

— Кажется, нас ожидает голодная смерть,— печально сказала англичанка.

— А у меня к тому же пропал и обратный билет,— всхлипнула шотландка.

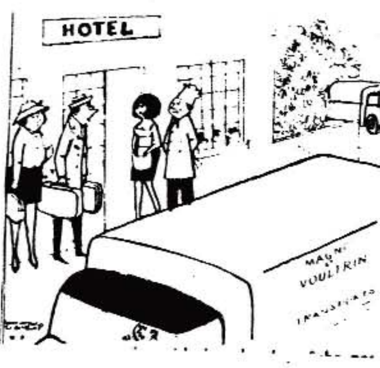
УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Тюрьма категории «люкс».

«Эуропео», Италия.

— Скажите, эти бесконечные грузовики не мешают сну?

— Наоборот: гостиница так трясется, что укачивает гостей.

«Влаг», Франция.

— Кому говорю: вперед!

«Уикенд», Англия.

Начальник с укором спрашивает свою секретаршу:

— Где пыль с поверхности моего письменного стола? Я записал там несколько телефонных номеров...

●

Жена — мужу:

— Пьер, ты любишь меня?

— Короче! Что тебе надо купить?

●

В полицейском комиссариате:

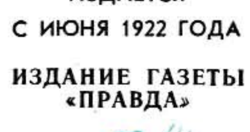
— Я пришел сообщить, что пропала моя жена.

— Заполните этот бланк и опишите ее приметы.

— Хорошо, но при одном условии: когда найдете ее, не показывайте ей этот бланк.

КРОКОДИЛ

№ 5 (2087)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Битный, М. Вайсборд, О. Евгеньев, В. Жаринов, В. Каневский, Г. и В. Караваевы, Кукрыниксы, В. Мохов, В. Мочалов, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС: 101455 МОСКВА А-15 ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86 253-34-37

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29/I 1974 г. А 00727. Подписано к печати 8/II 1974 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 600 000 экз. (1-й завод: 1—3 442 100). Изд. № 263. Заказ № 1759.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.